

МЕЖ СНЕГОМ И ШЕЛКОМ

РОМАН

ВАЛЕНТИНА САДЫКОВА

Валентина Садыкова
МЕЖ СНЕГОМ И ШЕЛКОМ

<https://litres.ru/73999889>

SelfPub; 2026

Аннотация

Эта концепция объединяет самые сильные стороны современных трендов: эмоциональную глубину Young Adult, экзотичность азиатских мотивов и душевность славянских мифов.

Содержание

Глава	4
Глава 1. Запах горького миндаля	5
Глава 2. Печать на руке	9
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Валентина Садыкова
МЕЖ СНЕГОМ
И ШЕЛКОМ

Глава

Глава 1. Запах горького миндаля

Снег в Кит-Граде никогда не бывал просто белым. К полудню он покрывался серой копотью от сотен кузнечных горнов, а ближе к вечеру, в Шелковом посаде, окрашивался в нежно-розовый и лиловый — то был отсвет бумажных фонариков, которые чужеземцы из Поднебесной Империи зажигали над своими лавками.

Есения поправила тяжелый заячий полушубок и поглубже спрятала руки в муфту. Мороз сегодня кусался по-собачьи. Стоило выдохнуть, как воздух превращался в колючие ледяные иглы.

— Поторопись, Сеня! Если опоздаем к раздаче риса и соли у Шелковых ворот, мачеха с нас три шкуры спустит, — проворчал шедший впереди брат, тринадцатилетний Митька. Он то и дело шмыгал носом и подтягивал сползающие валенки.

— Иду я, иду, — тихо отозвалась Есения.

Она не любила Шелковый посад. Здесь всё казалось ей чужим, вычурным и обманчивым. С одной стороны улицы — привычные глазу пятистенные бревенчатые избы с резными петухами на коньках. С другой — вычурные двухэтажные пагоды с изогнутыми крышами, похожими на крылья замерзших птиц. На этих крышах вместо привычных славянских сосулк застывали причудливые ледяные драконы —

их вырезали искусные мастера-маги из южных провинций.

В Кит-Граде два мира не просто столкнулись — они проросли друг в друга. Здесь пили сбитень, заедая его рисовыми лепешками, а на Николину зимнюю декретом наместника было велено вешать на ворота не только хвойные лапы, но и красные полосы бумаги с иероглифами — «на счастье».

У Шелковых ворот уже толпился народ. Пахло жареным кунжутом, дешевым табаком и мокрой шерстью. Есения остановилась у края площади, глядя, как чиновники в длинных, подбитых лисьим мехом халатах сверяют списки.

Вдруг толпа качнулась и затихала. Послышался глухой, мерный стук копыт. Но это были не низкорослые, лохматые северные лошадки.

По улице двигался эскорт. Четверо всадников на поджарых черных конях, чья шерсть лоснилась вопреки морозу. На всадниках были легкие, с виду почти невесомые доспехи из черненой стали и темно-красные плащи. *Гвардия Лунного Дворца*. Личные псы молодого наместника Империи.

Есения невольно сделала шаг назад, увлекая за собой Митьку. В Кит-Граде знали: если видишь Черных гвардейцев — смотри в землю. У них не было жалости, а их мечи-тачи с одинаковой легкостью резали и заговоренную кольчугу, и человеческую плоть.

Один из всадников ехал чуть впереди. В отличие от остальных, его лицо не скрывала маска. На вид ему было едва ли больше двадцати. Кожа — бледная, словно первый лед

на реке, а прямые угольно-черные волосы, несмотря на стужу, не были покрыты шапкой — лишь перехвачены у затылка серебряной заколкой в виде змеи.

Когда он проезжал мимо Есении, его конь неожиданно всхрапнул и взвился на дыбы, едва не раздавив копытами стоящую рядом старуху-торговку. Толпа с криком хлынула врассыпную.

Митька поскользнулся и упал, выпустив из рук плетеную корзину. — Сеня! — испуганно крикнул он.

Есения, позабыв об осторожности, бросилась к брату, закрывая его собой. Прямо перед её лицом опустилось тяжелое копыто черного коня, выбив фонтан ледяной крошки.

Она замерла, тяжело дыша, и медленно подняла глаза. Наездник удерживал беснующееся животное одной рукой с удивительным, почти пугающим спокойствием. Его глаза... они были не карими, как у большинства южан, а странного, прозрачно-серого, грозового цвета. В них не было злости. В них было ледяное, абсолютное равнодушие.

Секунду или две они смотрели друг на друга. Есения чувствовала, как от парня веет странным теплом — не зимним, а сухим, жарким, пахнущим горьким миндалем и паленой шерстью. *Магия огня. Южная кровь.*

— Берегись, девка, — негромко, с легким, певучим акцентом произнес он. Его голос прозвучал на удивление мягко, но от этой мягкости у Есении по спине побежали мурашки.

Он слегка тронул поводья, и эскорт двинулся дальше,

оставив после себя шлейф чужого, горячего воздуха, который тут же растворился в северной стуже.

— Ты жива? — Митька дергал её за рукав, его щеки побелели от испуга.

— Да... Да, всё хорошо, — Есения поднялась, отряхивая подол. Но ладони её дрожали. Она посмотрела вслед удаляющимся черным плащам.

Внутри неё, где-то под самым сердцем, зашевелилось странное, давно забытое чувство. Словно этот чужак с глазами цвета грозы только что сорвал невидимую печать с её собственной, тщательно скрываемой тайны. Тайны, из-за которой её саму в Кит-Граде могли сжечь или запереть в железную клетку.

Глава 2. Печать на руке

Дом встретил их привычным запахом кислой капусты, овечьей шерсти и старого сухого дерева. Избы в Кит-Граде строились на совесть — из толстых бревен лиственницы, которые от времени становились темными и крепкими, точно железо. Но тепла внутри все равно не хватало: мачеха, Акулина, экономила дрова, заставляя Митьку собирать валежник на окраинах посада.

— Вернулись, сиротки, — проскрипел от печи сухой, простуженный голос. — Ну и где соль? Где рис, спрашиваю?

Акулина высунулась из-за ситцевой занавески, вытирая костлявые руки о засаленный фартук. Её маленькие глаза, утонувшие в складках увядшей кожи, мгновенно уставились на полупустую Митькину корзину.

— У ворот давка была, матушка, — тихо сказала Есения, снимая полушубок. — Кони наместника толпу разогнали. Чуть Митьку не растоптали.

— Кони! — всплеснула руками Акулина, и в её голосе слышался не то испуг, не то привычная злость. — Всё оправдания ищите! Наместниковы люди зря по улицам не скажут. Опять, небось, бунтовщиков ловили, из тех, что по лесам прячутся да старых богов кличут. А нам теперь голодать из-за вашей неосторожности? Твой покойный отец, Сеня, хоть и был знатным плотником, а ума вам не оставил. Марш за пе-

регородку, оба! Вечером только пустые щи получите.

Митька шмыгнул носом и понуро побрел в угол, за занавеску, где стояла его узкая лавка. Есения промолчала. Оспаривать слова мачехи было бесполезно — Акулина не была злой по природе, но вечный страх перед голодом и южанами иссушил её душу, превратив в вечно ворчащую тень.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.